

Алексей Митрофанов

Калининград

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

Калининград. Городские прогулки

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Калининград. Городские прогулки / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859285-0

Истории в Калининграде не такие, как в средней полосе России. В них действуют не дворяне Разумовские и не купцы Калашниковы, а тайный советник Герман Клас, бранденбургский маркграф Альбрехт Гогенцоллерн и крестьянин Андреас Грюнхайде. И действуют они совсем не так, как действовали бы на берегу реки Пахры или же Клязьмы. Досоветское здесь — довоенное, а не дореволюционное. В основной части страны главная временная граница прошла по 1917-му, а здесь — по 1945 году. Русский город с немецкой историей.

ISBN 978-5-44-859285-0

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Центральная магистраль	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Калининград Городские прогулки

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2017

ISBN 978-5-4485-9285-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В Калининграде нет почти ничего общего с другими областными центрами России. То есть формально все, конечно, так, как, например, в Тамбове или же Владимире. Валюта – рубль. Язык – русский. Номера автомобилей – тоже. Главная улица до сих пор носит имя Ленина. А рядом с ней находится правительственный дом с российским флагом.

Тем не менее различий больше, нежели сходств. Да, номера здешних машин российские. Но сами машины – импортного производства. Редко-редко по улице вдруг проедет потертый отечественный микроавтобус.

Названия гостиниц также довольно непривычные. «Ганза», «Альбертина», «Гостевой дом Обертайх». Правда, все еще встречаются старые добрые «Маяк» и «Патриот», но это уже исключение из правила.

Главное отличие заключается в архитектуре. Наша старина – это, как правило, пышные храмы с золотыми луковичами, дворянские усадьбы с портиками о шести колоннах, бесконечные арки торговых рядов и ампириная строгость государевых учреждений.

Здесь все иначе. Старина – это, скорее всего, готика. Руины протестантских храмов, романтические краснокирпичные ворота, по-немецки мощные дома восточных пруссов. Даже рельсы для трамваев здесь другие – узкие, на европейский лад. И российским трамвайным вагонам приходится делать маленькую операцию на колесах, иначе они не поедут.

И, разумеется, истории в Калининграде не такие, как, допустим, в средней полосе. В них действуют не дворяне Разумовские и не купцы Калашниковы, а тайный советник Герман Клас, бранденбургский маркграф Альбрехт Гогенцоллерн и крестьянин Андреас Грюнхайде. Естественно, что и действуют они совсем не так, как действовали бы на берегах Пахры или же Клязьмы.

Когда мы имеем в виду «досоветское», то очень часто говорим «дореволюционное». Здесь революции не было, и, чтобы отличить одну эпоху от другой, надо говорить не «дореволюционное», а «довоенное». В основной части России главная эпохальная граница прошла по семнадцатому году. Здесь – по сорок пятому.

Парадоксальность города была весьма красноречиво передана в одном из фильмов перестроечной эпохи. Там житель города был изумлен – вот, дескать, Кант. В энциклопедии сказано, что он родился в Германии и похоронен на родине. А могила его в России. Как же так?

А вот так.

* * *

Датой рождения Калининграда принято считать 1255 год, когда тевтонцы основали на берегу Прегеля крепость под названием Кенигсберг. В начале следующего столетия крепость настолько усилилась, что ее для своей резиденции выбрал сам Великий маршал Тевтонского ордена. С этого момента город начал подниматься и, в конце концов, дорос до статуса столицы Восточной Пруссии.

Уже в 1380 году на острове Кнайпхоф было закончено строительство главного, Кафедрального собора. Этот памятник по сей день украшает город и является его самым известным символом.

Дальнейшее развитие истории Калининграда шло весьма стремительно (по крайней мере, по российским меркам). В 1420 году появилась первая аптека, в 1525-м была отпечатана первая книга, в 1534-м открылась первая кенигсбергская библиотека, а в 1544м принял первых студентов университет «Альбертина» (назван по имени его основателя, герцога Альбрехта).

В 1697 году в Кенигсберг под руководством самого царя Петра прибыло из Москвы Великое посольство. Целью его было ознакомиться с Европой и, так сказать, перенять передовой опыт. Об этом в наши дни напоминает водка под названием «Великое посольство» – один из самых популярных в городе крепких напитков. А в 1716 году Петр Первый получает «Янтарную комнату» – дар очарованных им кенигсбержцев.

В 1758 году, во время Семилетней войны грозная крепость Кенигсберг капитулировала перед русскими войсками. Жители города присягнули на верность императрице Елизаветы Петровне. И быть бы Кенигсбергу простым губернским городом с традиционными торговыми рядами, ампирным зданием присутственных мест и множеством православных соборов, но в 1761 году русский престол переходит к Петру III, большому поклоннику всего немецкого. Естественно, что Петр чуть ли не с извинениями возвращает Кенигсберг германскому королю Фридриху II, своему кумиру.

Город вновь становится немецким. В 1830 году здесь открывается машиностроительная фабрика Б. Л. Штайнфурта, будущий Калининградский вагонный завод. В 1895 году по Кенигсбергу начинает ходить трамвай. В 1896-м начинает действовать Кенигсбергский зоопарк.

Вторично русские войска вошли сюда, спустя без малого два века, и в 1945 года кенигсбергский комендант подписал акт о капитуляции перед Советским Союзом. Город вновь стал российским, и на этот раз надолго.

* * *

Кенигсберг издавна привлекал пристальное внимание русских путешественников. Один из них, П. Сумароков, так отзывался о восточно-прусском стольном граде: «Кенигсберг, прежняя столица Пруссии, прусская Москва, обширен, имеет остатки древности, но неопрятен, каналы поросли травой, и оставленные без довершения заведения... ясно свидетельствуют, что Берлин осудил оный занять вторую по себе степень. Мы расположились в Deutsche Hause, против него виден hotel de Russie, наняли лакея, и не щадя сил, удовлетворили любопытство...

Некоторые улицы прямы, довольно широки, прочие узки, как в Риге, но не столь излучисты. Лангас – лучшая из всех, особенно же по сю сторону моста. Высокими о четырех-пяти ярусах под одну крышу домами, множеством при них балконов, рядами крылец, решетками с бронзовыми отделками, распущенными при них маркизами, одни над другими, являет приятное зрелище. Королевская, Французская также отличны; и фобург, или предместье новейшей архитектуры, превосходнее самого города. Пестрота стен необыкновенна, на них встречаются образчики всех цветов. Обилие фонтанов доставляет при украшении великие удобства.

Кафедральный, закопченный столетиями, храм вмещает в себя славные органы, длиною 6 сажень о 5 стволах, мраморные гробницы Бранденбургских курфюрстов и изваянные их изображения. Прахи хранятся при алтарях, пространные надписи возвещают пышные имена, и нам казали череп с цевницею от ноги порфириносца, вываренные в масле бронзового цвета. Внимание, обращаясь на искусство, не занимается разбором мертвецов и стремится от богатых памятников к темному проходу, к железному ограждению простой работы. Тут покоится бранный состав не царя, не героя, не тщеславного родом вельможи, а смиренного гражданина, именитого Канта».

Александр же Герцен писал: «В Кенигсберг я приехал усталый от дороги, от забот, от многого. Выспавшись в пуховой пропасти, я на другой день пошел посмотреть город: на дворе был теплый зимний день, хозяин гостиницы предложил проехаться в санях, лошади были с бубенчиками и колокольчиками, со страусовыми перьями на голове... и мы были веселы, тяжелая плита была снята с груди, неприятное чувство страха, щемящее чувство подозрения – отлетели. В окне книжной лавки были выставлены карикатуры на Николая, я тотчас бросился купить целый запас. Вечером я был в небольшом, грязном и плохом театре, но я оттуда возвратился взволнованным не актерами, а публикой, состоявшей большей частью из работников и молодых людей; в антрактах все говорили громко и свободно, все надевали шляпы (чрезвычайно важная вещь, – столько же, сколько право бороду не брить и пр.). Эта развязанность, этот элемент более ясный и живой, поражает русского при переезде за границу».

Кенигсбержец (а точнее, сам город) все время бросал вызов чопорным и гладеньким, живущим по уставу немцам. Можно сказать, что презирал уклад немецкой жизни. Денис Иванович Фонвизин, оказавшись тут в 1784 году, был поражен: «Тридцатого прибыли мы в Кенигсберг. Я осматривал город, в который от роду моего приезжаю в четвертый раз. Хотя я им и никогда не прельщался, однако в нынешний приезд показался он мне еще мрачнее. Улицы узкие, дома высокие, набиты немцами, у которых рожи по аршину. Всего же больше не понравилось мне их обыкновение: ввечеру в восемь часов садятся ужинать и ввечеру же в восемь часов вывозят нечистоту из города. Сей обычай дает ясное понятие как об обонянии, так и о вкусе кенигсбергских жителей. Тридцать первого в девять часов поутру вынес нас Господь из Кенигсберга».

Немирович-Данченко вообще не видел разницу между каким-нибудь русским уездным городом и Кенигсбергом: «Кто попадает в Кенигсберг не из России, а из Германии, тому он покажется совсем не немецким городом. Жалкие, мелкие домишки отдаленных улиц, грязь, слоями лежащая на самых главных, неопрятность жителей, массы славянских типов и множество евреев, встречающихся повсюду, дороговизна гостиниц и отсутствие всякого комфорта в них переносят вас куда хотите, в Россию, Литву, Польшу, но никак не в опрятную Германию. Какие-то допотопные, мохом поросшие извозчики, подобных которым вы встретите только в Вильне, дребезжащие коляски, нищие на улицах, отсутствие всякого порядка и обилие кабаков на каждом шагу, запутанные лабиринты дальних переулков, с бушующими пьяными, приземистые землянки, даже чуть ли не рядом с историческими дворцами и башнями – характеризуют этот важный порт. Почему Кенигсберг считается в Пруссии вторым после Берлина городом – я не понимаю. Еще в прошлом так, но теперь, какое же сравнение хотя бы с Кельном? Что касается до меня, то я более противного места в Германии не знаю. На рубеже двух государств Кенигсберг успел соединить у себя пороки того и другого, не усвоив их достоинств».

Что поделаешь. Не повезло этим путешественникам. Не про них построен город Кенигсберг. Грязные улицы, аршинные немецкие физиономии, какие-то землянки. Прочь! Ноги моей больше не будет в вашем Кенигсберге!

* * *

Кстати, наши соотечественники частенько называли Кенигсберг немецкой Москвой. Подразумевая, что Берлин – это как Питер, деловая и рациональная столица, а Кенигсберг – территория, специально отведенная для всякого рода необязательностей и причуд.

Граф Федор Ростопчин делал заметку в своем кенигсбергском дневнике: «Меня сейчас испугали. Я сидел и писал и не заметил, как вошла женщина колоссального роста, с огненными волосами; она подошла ко мне, поцеловала меня в плечо и выпросила два гроша. Это была служанка при кухне».

История – абсолютно в духе Кенигсберга.

* * *

Кенигсберг – удовольствие для избранных. И если человек в него влюбляется, то навсегда и без оглядки. Вот, к примеру, впечатления Вильгельма Кюхельбекера: «Теперь мы в Кенигсберге. Поутру осматривали город. Я уже видел несколько готических городов, но ни один не поразил меня до такой степени. Проезжая через мост, я ахнул: река Прегель по обеим сторонам обсажена узенькими высокими домами (между ними есть 8-миэтажные), которые стоят к берегу не лицом, а боком, снабжены огромнейшими кровлями и тем получают вид каких-то башен китайской, или, Бог знает, какой постройки! Улицы красивы и некоторые довольно широки: большие крыльца придают городу веселую, южную физиономию. Меня восхитили итальянские тополи, которые я здесь увидел в первый раз: не знаю красивее дерева».

Что ж, восхитимся городом и мы.

Центральная магистраль

Прогулка по Калининграду – дело непростое. В отличие от большинства российских городов, здешние достопримечательности сосредоточены не в самом центре, а на окраинах. А если в центре, то по большей части в глубине кварталов. Это не удивительно – ведь при бомбардировке и последовавшим за бомбардировкой штурмом в первую очередь пострадала именно центральная часть города, и как раз фасады главных улиц.

Но это не к тому, что в центре города совсем уж нечего смотреть. Безусловно, очень много старины, что называется, овеянной историями, сохранилось. Просто хождение по здешним улицам имеет некоторые особенности. Если в Ростове-на-Дону или в Саратове практически нет смысла отклоняться от центральных тротуаров, то в Калининграде следует время от времени сворачивать в очаровательные европейские дворики бывшей восточно-прусской столицы.

Здесь (и мы об этом уже упоминали), как и во многих городах России, главный проспект по сей день носит имя Ленина. Застроен он по большей части малоинтересными советскими домами, так что данное имя ему, в общем, подходит. Однако же на этой улице (и вблизи нее) находится немало достопримечательностей. Кроме того, именно здесь сосредоточено огромное количество кафе и магазинов. Иными словами, законы главной улицы соблюдены.

* * *

Начать прогулку лучше с Южного вокзала – памятника архитектуры 1929 года – массивный, мастодонтный и довольно точно отражающий дух той эпохи. Впрочем, обустроен он был достаточно уютно – просторные залы ожидания (раздельные – для курящих и для некурящих), при них рестораны. Билетные кассы, магазины с товарами для путешественников, туалетные комнаты. Кроме того, имелись здесь парикмахерские (целых две), кегельбан и винный погребок. Скучать ожидающим поезда не приходилось.

Под стать вокзалу были и поезда: «днем с диванами, ночью с постелями (и бельем). Для мужчин и дам особые отделения, туалеты и все удобства. Приставленные к спальным вагонам кондукторы говорят обыкновенно на нескольких языках».

Русский предприниматель В. А. Кокорев оставил описание прусской дороги: «Означенная дорога сделана для людей, а не для пустырей, как у нас, и не для одной связи оконечностей, т. е. Берлина и Кенигсберга, а для каждого из близких к пути городов. Поэтому она идет и влево и вправо, захватывая населенные тракты. Вот доказательство того: прусские шоссе идут не прямолинейно, а как требует населенность деревень и местечек, и по такому шоссе от Кенигсберга до Берлина 547 верст, а по железной дороге 616 верст. Из этого очевидно, что здесь современные открытия, как, например, железные дороги и телеграфы, отыскивают народ, а не наоборот. Поэтому Кенигсбергская железная дорога есть истинное оживление для всей Восточной Пруссии, а наша Николаевская есть смерть для Новгорода, Крестцов, Валдая, Торжка и для 300 тысяч жителей, обитающих по заброшенному Московскому шоссе.

Езда здесь несравненно покойнее нашей, никакой тряски, ни малейшего дребезжания стекол. Рельсы в их стыках свинчены. Станции чисты, везде буфеты с отличными бутербродами и славным пивком, какое в России вовсе неизвестно. Станции устроены чисто, но экономно, никакой излишней роскоши нет. Это не те огромные казарменные станции, что у нас, а миленькие, простенькие, все разнообразные домики, в роде дачек; зато они есть через 2 и менее мили, везде поезд останавливается, принимает и высаживает. Езда гораздо скорее нашей, излишней траты времени на станции нет. Дорога так покойна, что никакого утомления не ощущается».

Особенно нашему соотечественнику приглянулся обед: «Обед на железной дороге был прекрасный. На него назначено 25 минут. Лишь только пришел поезд, на столе уже стояли

против каждого прибора на 4-х тарелках вот что: бифстек, рыба разварная, котлеты и жареный цельный цыпленок. Бери каждый или по выбору, или все.

Пассажиров из Кенигсберга поехало немного, вагонов пять, но по пути число их беспрестанно прибавлялось, и на половине дороги было уже вдвое более».

А критик Добролюбов так и вовсе посвятил прусской дороге целое стихотворение. Оно так и называется – «В прусском вагоне»:

По чугунным рельсам
Едет поезд длинный;
Не свернет ни разу,
С колеи рутинной.
Часом в час рассчитан
Путь его помильно...
Воля, моя воля,
Как ты здесь бессильна.

Ощущение такое, будто и вовсе нет нужды бывать в Кенигсберге или в Берлине. Достаточно курсировать меж ними в поезде, наслаждаясь скоростью, обедом и вокзальчиками-«дачками», и бесконечно сравнивать Восточно-Прусскую железную дорогу с отечественной.

Привокзальная же площадь выглядела как ей и полагается. Русский путешественник Г. Воробьев писал: «Поезд остановился... На площади вокзала – извозчики точь-в-точь, как в Берлине: ландо, парюу, с таксометром, возницы в цилиндрах».

Кстати, по этой железной дороге везли в Россию труп писателя Тургенева. Без особых, кстати, почестей. М. М. Стасюлевич вспоминал: «Подошел тот самый прусский пассажирский поезд, с которым должно было прибыть тело Тургенева, а через несколько минут ко мне вбежал служитель с известием, что тело Тургенева прибыло, одно, без провожатых и без документов, по багажной накладной, где написано: „1 – покойник“ – ни имени, ни фамилии. Мы догадывались, что это – Тургенев, но, собственно, не могли знать этого наверняка. Тело прибыло в простом багажном вагоне, и гроб лежал на полу, заделанный в обыкновенном дорожном ящике для клади».

Впрочем, Ивану Сергеевичу было уже все равно.

Именно с вокзала попадали в город первые советские переселенцы. «Я жадно всматривался через мутное от паровозного дыма окно нашего переполненного вагона и проплывающие разбитые дома пригорода большого города. Скоро остановка, конец долгого пути, и мы: мама, брат Алексей и я, семилетний мальчик, – окажемся в новом, совсем не знакомом, чуждом нам немецком городе...»

Поезд замедлил ход, сильно начало толкать взад и вперед. Все. Конечная остановка. Кругом пустынно, безлюдно, одни шпалы и рельсы, целые и разбитые товарные вагоны, вдали виднеются большие деревья, кусты цветущей сирени, какие-то непонятные постройки.

Все поднялись, зашумели, засуетились, начали выходить, выносить свой нехитрый скарб: фанерные чемоданы, узлы, котомки.

Это – Кенигсберг...

Мы тоже выходим и плетемся со своими вещами туда, куда идут все, к мосту, а там долго стоим, ждем, когда кто-то подвезет нас».

Впрочем, первые советские переселенцы – тема отдельная.

* * *

Калининград – самый молодой региональный центр России. Восточная Пруссия (если быть совсем уж скрупулезным – ее часть) сделалась нашей в начале осени 1945 года.

Как же именно происходило освоение новой земли?

На рубеже 1944—1945 годов в нашей стране вдруг узнали о существовании Восточной Пруссии и ее столицы Кенигсберга. Советские войска вплотную подошли к этой земле, и, разумеется, она стала мелькать в военных сводках. И не только – эта часть Германии вошла в отечественную литературу. Демьян Бедный посвятил стихотворение Эриху Коху, гауляйтеру (то есть руководителю) Восточной Пруссии:

Эрик Кох – нет твари гнойней! —
В Кенигсберге «заскучал».
Для себя приют спокойней
Он давно уж намечал.

А солдаты пели песни собственного сочинения:

Мы идем на тебя непреклонно,
Город-крепость, город-склеп.
Громовую пальбой потрясенный,
Кенигсберг от огня ослеп.

Наконец Отто Ляш, комендант Кенигсберга, издал исторический «Приказ на выступление оставшимся войсковым частям гарнизона». Капитуляция была расписана с немецкой скрупулезностью:

1. Офицеры могут взять с собой холодное оружие (но только холодное).
2. Каждый офицер может взять с собой личного ординарца.
3. Личные вещи офицеры имеют при себе (могут нести их сами или используя ординарца)».

Демьян Бедный написал очередной стишок:

Мы с корнем вырвали «восточно-пруссский клык»,
Иль Кенигсберг, сказать иначе.
Его принудили мы к сдаче.
Фашисты все кричат на крик,
Не ждали-де подобной вещи!
Как ни были крепки
Фашистские клыки,
Но оказались покрепче наши клещи...

А военкор Твардовский с удовольствием описывал вновь отвоеванный объект: «Дощечки с надписями «Проезда нет» и «Дорога обстреливается» – еще не убраны, а только отвалены в сторону.

Но очевидным опровержением этих надписей, еще вчера имевших полную силу, уже стала сама дорога. Тесно забитая машинами, подводами, встречными колоннами пленных немцев и возвращающихся из немецкой неволи людей, она дышит густой, сухой пылью от необычного для нее движения...

Однако Кенигсберг прежде всего большой город. Много из того, что на въезде могло сразу броситься в глаза – башни, шпили, заводские трубы, многоэтажные здания, – повержено в прах и краснокирпичной пылью красит подошвы солдатских сапог советского образца, мутно-огненными облаками висит в воздухе.

И, однако, тяжелая громада города крепости и в этом своем полуразмолотом виде предстает настолько внушительно, что это несравнимо со всеми другими, уже пройденными городами Восточной Пруссии».

В сентябре 1945 года по решению Потсдамской конференции город, восхитивший Александра Трифоновича, сделался частью СССР. С тех пор задачи, связанные с Кенигсбергом, были исключительно гражданскими, а не армейскими.

* * *

Пафос завоевателей стремительно сменился скучной хозяйственной рутинной. Вот, к примеру, как выглядел один из приказов военного коменданта города и крепости Кенигсберг генерал-майора Пронина: «Приказываю:

1. Всем районным Военным комендантам назначить техника-смотрителя зданий из числа офицерского состава, имеющего техническое образование...

2. Техники-смотрители зданий назначаются для эксплуатации спецустановок и оборудования зданий и сооружений, для чего утверждается штат рабочих разного рода, специалистов (печники, истопники, электромонтеры, мотористы, водопроводчики, столяры, плотники и прочие специалисты эксплуатационники) с непосредственным подчинением технику-смотрителю.

3. Техник-смотритель в техническом отношении подчиняется начальнику районной квартчасти и во всех отношениях коменданту района».

И так далее.

В город же все прибывали откомандированные офицеры и солдаты, а также обычные граждане, клюнувшие на обещания так называемых вербовщиков. Те сулили золотые горы чуть ли не всем гражданским: автоматически – офицерское звание (конечно, с соответствующим жалованием и льготами), любую квартиру в любом доме, помощь в становлении домашнего хозяйства и т. д. Гарантия вербовщиков была довольно зыбкой – дескать, что вы беспокоитесь, если чего-нибудь не так, то в Кенигсберге вы меня всегда найдете, ну а я всегда вам помогу.

Вербовщики, по большей части, выглядели респектабельно, и население им верило. Тем более что среди аргументов наличествовали и вполне официальные распоряжения. Вот, например, постановление Совмина от 9 июля 1945 года: «Продать каждой переселенческой семье колхозников специалистов сельского хоз. на месте по госценам: 1 пальто, 30 метров хлопчатобумажных тканей, 10 литров керосина, 10 килограммов соли, 40 коробок спичек; и каждому члену семьи: пару обуви, 1 головной убор (платок, шапка), по 2 пары носков и чулок, 2 катушки ниток и 1 кг хозяйственного мыла».

В послевоенную разруху это предложение смотрелось очень даже привлекательно.

Действительность была совсем другой. Вот один из официальных документов: «В общежитиях (а вовсе не в обещанных вербовщиками квартирах и особняках – А.М.) одиноких рабочих грязь и мусор, постельными принадлежностями рабочие полностью не обеспечены, а имеющиеся покрыты слоем грязи. Кипятильников в общежитии нет, нет и кипяченой воды, рабочие пользуются водой из водопровода. Прачечных нет, поэтому рабочие вынуждены стирать свое белье в реке. Медпунктов неотложной скорой медицинской помощи ни на одном предприятии нет – и вообще медобслуживание рабочих поставлено исключительно плохо... Большинство из них имеет только одну пару нательного белья, которое стирке не подвергается, и один рваный костюм; обуви большинство не имеет, а имеющаяся пришла в полную негодность».

Акты, издаваемые городскими службами, также обескураживали: «На улице Энергетиков в доме №71 на 2-м этаже в комнате площадью 22 м кв. проживает 11 человек (семьи рабочих Стовцевой, Дажиной и Вуколовой), на этом же этаже в другой комнате площадью 25 м кв. проживает 15 человек... Эти комнаты находятся в антисанитарном состоянии, а именно:

стены, потолки заплесневелые, полы грязные, жесткий и мягкий инвентарь отсутствует, все проживающие рабочие вповалку спят на полу».

Случались и такие неприятности: «На улице Каретная, дом 12, в помещении бывшей мертвецкой-крематорий проживает 4 семьи рабочих... Помещение под жилье совершенно непригодно, нет окон, отопительная система отсутствует, полы цементные, в помещении масса крыс, по заявлению Алексеевой есть случаи укуса живущих крысами».

Кстати, городская фауна довольно сильно осложняла жизнь переселенцев. Власти были вынуждены издавать следующие распоряжения:

«а) широко разъяснять населению вред, наносимый грызунами, меры борьбы с ними...

б) организовать во всех населенных пунктах и на полях проведение работ по массовому уничтожению грызунов, привлекая для этой цели все хозяйственные, общественные организации и местное население. Создать до 10.XII.46 г. в городах, рабочих поселках и райцентрах специальные отряды для уничтожения грызунов, обратив особое внимание на борьбу с грызунами в разрушенных зданиях, пустырях, местах свалок;

в) в учреждениях и на предприятиях выделить ответственных лиц за проведение работ по уничтожению грызунов».

Опасности, подстерегавшие переселенцев, были самыми разнообразными и непредвиденными. Прокурор Калининградской области, к примеру, об одной из них писал другому деятелю, председателю горисполкома: «14 декабря 1947 года по Комсомольской улице в доме №2 произошел обвал стены, в результате которого погибла семья в составе 7 человек. Обвал произошел в силу воздействия большого количества осадков на ветхие стены здания при отсутствии крыши на последнем».

А газеты получали вот такие письма: «На улице Александра Невского колодцы без люков – буквально на каждом шагу. Недавно я тоже оказалась жертвой бездеятельности горкомхоза и была отправлена в больницу. Здесь я узнала, что по той же причине сюда попало еще несколько человек».

Кстати, подобные условия имели свои, хотя и несоизмеримые, но все же положительные стороны. В частности, дети в переселенческих семьях были гораздо более самостоятельными, нежели в центральной России. Один из мемуаристов вспоминал: «Мы, ребята, как могли, зарабатывали себе, для своих нужд, деньги, собирая для этого в развалинах металлолом, из телефонных и электрических кабелей вытапливая свинец, а затем все это сдавали на приемные пункты металлолома или старьевщикам и на полученные деньги покупали мячи, книги, пирожки, печенье, конфеты и, конечно, сигареты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.